

Л.А. Озеров

«На пороге как бы двойного бытия...»

<...>

«Silentium!» имеет творческое продолжение в «Фонтане» (1836). От одного стихотворения к другому прочерчивается прямая линия.

Поэт не останавливается в своем движении к истине, и оказывается: не только слово эфемерно и относительно, эфемерна и относительна самая мысль человеческая. Всякое знание загодя обречено на недостоверность. Тайна природы-сфинкса непостижима, тайна бездны и хаоса недоступна раскрытию, смысл жизни и смерти, дня и ночи скрыт от человека.

«Смертная мысль» воплощена в образе фонтана-водомета. Струя его тщится достигнуть высоты, «заветной» высоты, как говорит Тютчев. Образ фонтана обобщен до символа, более того — он превращен в некий миф, имеющий в поэзии Тютчева такое же хождение, как и миф о дне и ночи. Мысль — слово — молчание. Три героя у этого мифа.

До того как остановиться на разборе стихотворения «Фонтан», надо бегло сказать о повторяемости этого образа.

Рисуя вершины гор, Тютчев говорит, что по ним «бежит воздушная струя», снега на вершинах «вдруг просветлеют огнецветно», — все это краски «Фонтана», написанного в середине 30-х годов, приведенные же строки относятся к 1860–1861 годам. К 1861 году относится послание «Князю П.А. Вяземскому», которое кончается такими строками:

Фонтаны плещут тиховейно,
Прохладой сонной дышит сад —
И так над вами юбилейно
Петровы липы здесь шумят...

Образ фонтана у Тютчева — излюбленный образ. В данном случае фонтан — существенный образ из тютчевского цикла-мифа о воде, о водной стихии, еще верней — о движении воды: источник, ручей, река, море, океан, далее — дождь, ливень, ураган, потоп. И как антипод этого мифа — миф об огне: искра, костер, пламень, пожар, зарево. Движение стихии в противоборстве с ее внутренними силами и в борении с враждебными ей стихиями — вот что всего более привлекает Тютчева.

Наблюдать за водой Тютчев, очевидно, очень любил. Это видно по стихам. Многие прямые и ассоциативные образы у него связаны с водой. Одним из таких ассоциативных образов был и «Фонтан».

«Фонтан» — картина, подготовленная этюдами и родившая в дальнейшем свои варианты. Но это не только картина. Это воплощенное в картине глубокое содержание: мысль человека высока, она стремительна, но и высота ее ограничена, и стремительность ее обусловлена определенными законами.

Лирическая миниатюра «Фонтан» начинается с обращения «смотри» (с такого же обращения к собеседнику начинаются у Тютчева и другие стихотворения: «Смотри, как на речном просторе...», «Смотри, как запад разгорелся...», «Смотри, как роща зеленеет. ..»).

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится:
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым...

Рисунок фонтана по духу и по стилю напоминает рисунки водопадов Державина и Баратынского (обращает на себя внимание, что у последнего в его «Водопаде» такая же опоясанная рифмовка, как и в «Фонтане» Тютчева).

Живое облако клубится — это цельное впечатление при нашем приближении к предмету «дробится», обрастает деталями. Тютчев находит для глагола «клубится» еще более точное, чем облако («облаком живым»), определение — «влажный дым».

Сперва облако, а затем дым превращается в луч. Мы приблизились и увидели стержень, ствол, луч — струю фонтана, сначала невидимую за брызгами. Тютчев передает смену и градацию впечатлений — от первичного к окончательному.

Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.

Первая строка этой строфы почти физически своим ритмом, своим синтаксисом передает полет луча фонтана до его «потолка», до его предела — «высоты заветной». «Лучом поднявшись к небу...» — слова, звуки этого периода стремительно взлетают, чтобы в самом конце строки, у самого ее порога, у короткого односложного слова «он» внезапно, как бы в испуге, остановиться, сломаться и «ниспасть на землю» с высоты. Луч, сломленный на высоте и ниспадающий на землю, уже содержит в себе намек на дальнейшее. Картина чревата мыслью, как часто бывает у Тютчева. И без лишних слов поэт высказывает свое наболевшее. Он начинает второе восьмистишие с восклицаний:

О смертной мысли водомет,
О водомет неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятет?

Восклицания сменяются недоуменными вопросами. «Фонтан» первой строфы становится «водометом» второй строфы. В сочетании этих двух синонимов дана некая лексическая антитеза, служащая содержанию и оттеняющая основную мысль. «Закон непостижимый» — по Тютчеву — «стремит» ввысь струю фонтана. Каков этот закон? Эпитет «непостижимый» одновременно относится к существу стихотворения, не названному в нем. Эпитет играет здесь главную роль, скрытую за кадром, за сценой. Мысль! Она, именно она — непостижима. Отнесенный к «закону» эпитет «непостижимый» чудодейственно и косвенно редуцирует на «мысль», выхватывая ее из глубины сознания, из глубины подтекста.

Описывая фонтан-водомет, Тютчев одновременно и обращается к нему:

Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

Образ фонтана-водомета снова смыкается с образом луча. И для них обоих возникает общая преграда — некая «длань незримо-роковая», которая не дает ни мысли, ни струе фонтана взлететь, взойти, прорваться за предначертанный предел. Это не просто преграда. Дерзнувший взлететь фонтан и дерзнувшая проникнуть далее своей природы мысль будут еще более дерзостно свергнуты. «Незримо-роковая» длань — пусть в брызгах, пусть «пылью огнецветной», пусть в сиянии, — но непреложно свергает их с высоты.

Блеск и нищета человеческого познания, его ограниченность и относительность — все это вылилось у Тютчева в классически стройный образ фонтана. Читая это стихотворение, мы испытываем истинное эстетическое наслаждение, не всегда и не обязательно помня, что в нем воплощены некоторые выводы Канта об ограниченных возможностях человеческого разума, о его неспособности проникнуть в суть вещей.

Л. Толстой в своем экземпляре тютчевской книги отметил «Фонтан» буквой «Г» (глубина). Спору нет, это стихотворение об ограниченности человеческого познания само по себе является образцом глубокого постижения человека, потому что человек неотъ-

емлем от его мысли. Перед нами шестнадцатистрочный стихотворный трактат, который мог бы называться «О границах человеческой мысли». Но он выглядит картиной, видной и — главное — доступной всем. Это своеобразная философская поэма, поэма в микро-издании, доведенная до двух восьмистиший.

Стихотворное двухголосие, параллель, аналогия, в которых все согласовано и все служит идее, образу, смыслу и все так зримо и так сочетает это зримое со звуковым... В поэзии мира считанное количество таких высоких образцов поэзии. Здесь все стройно, четко, гармонично. На таких образцах, как «Фонтан», если знать сопредельные с ним стихи Тютчева, родственные по теме и направленности, обогащающие друг друга оттенками смысла, — на таких образцах можно учиться не только стихотворству или вообще искусству слова, но и умению видеть невидимое и выразить его.

<...>